

Ищи меня в отражениях

Елена Гусарева

18+

Елена Гусарева
Ищи меня в отражениях
Серия «Ищи меня в
отражениях», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33337671

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-06840-7

Аннотация

Тимофей способен понравиться каждому, и никто не догадывается, что он питается энергией человеческих эмоций, выкачивая вместе с ней и жизненные силы. Одноклассница Надя грозит Тимофею разоблачением. Но у нее секретов ничуть не меньше... Подростковый роман, городское фэнтези с элементами мистики и детектива. Роман вошел в шорт-лист конкурса "Трансильвания – 2017". В оформлении обложки использована авторская иллюстрация художницы Алисы Франц.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	6
Глава 3	17
Глава 4	24
Глава 5	28
Глава 6	31
Глава 7	32
Глава 8	34
Глава 10	36
Глава 11	40
Глава 12	47
Глава 13	56
Глава 14	64
Глава 15	70
Глава 16	77
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Глава 1

Обычно раннее детство вспоминается смутно. Из тумана памяти проступают неясные очертания лиц, а события кажутся странными и нелогичными, как во сне. Но мое первое детское воспоминание – очень яркое, будто добавили цвета и резкости в картинку, усилили звук и обострили запахи. Вот я сижу на кровати, застеленной ослепительно белой простыней. За большими окнами в рамах с облупившейся краской шелестит зеленая листва. Ветви дерева глухо постукивают в стекло, а на коричневом кафеле пола играют солнечные блики. Я держу старого плюшевого зайца. Его мне только что дала женщина в белом халате. У нее добрая улыбка и глаза как блюдца, за толстыми стеклами очков. Она то просит показать ей язык, то рассматривает мои ладони и ступни, то мягко трогает за запястье и задумчиво шевелит губами. Еще одна женщина моет пол, что-то рассеянно напевая под нос. Вдруг из коридора доносятся крики и тяжелая поступь быстрых шагов. Дверь распахивается и бьётся о стену с такой силой, что кусок штукатурки падает и пыльно разбивается о влажный пол.

На пороге высокий мужчина, всклокоченный и худой. Его взгляд, полный страдания, лихорадочно мечется по комнате и останавливается на мне. Я помню этот пугающий взгляд и чувствую, как дрожь пробегает по телу. Страшный человек

с хрипом бросается вперед. Женщина в очках хватается меня и прикрывает собой, другая пытается преградить безумцу путь. Появляются еще люди: пара мужчин в зеленой униформе и совсем молоденькая медсестра, которая визжит что-то невнятное. Сумасшедшего хватают и волокут назад в коридор. Тот отчаянно сопротивляется и хрипит проклятия. В последнем бешеном порыве сумасшедший кричит, выплевывая каждое слово с каплями слюны: “Он монстр! Он убил свою мать! Он и вас убьет! Да послушайте же! Вы ничего не понимаете! Его надо изолировать! Нет! Его надо уничтожить!”. Я до сих пор слышу отчаянные вопли моего отца. Помню каждое слово. В мельчайших деталях вижу мутные, в красных венках глаза, словно было только вчера, а не одиннадцать лет назад. И это воспоминание – все, что знаю об отце. Он умер через три месяца в психиатрической лечебнице. Так мне сказали потом. Маму не помню вообще.

Глава 2

Ведут в школу, как малолетку. А ведь мне четырнадцать, мог бы и сам разобратся. Просто в обычную школу ходить не доводилось. Жил и учился по детским домам с такими же сиротами и детьми из неблагополучных семей. С нормальными детьми, у которых мамы и папы, куча личного барахла, карманные деньги на кино и мороженое, солнечные каникулы на морском берегу – с такими практически не общался. В детском доме Зауральска, куда меня занесло на этот раз, всего один класс начальной школы. Поэтому с сегодняшнего дня я новичок в стаде избалованных придурков. Мало того, что настроение с самого утра паршивое, а тут еще директор, Юрий Михайлович, ведет чуть ли не за ручку у всех на глазах и щебечет, не заткнешь. Вообще он мужик, кажется, неплохой. Хотя, что можно сказать о человеке за три дня знакомства? Поживем – увидим. Внешность у него очень колоритная: борода, как говорят, окладистая, и русые волосы, густые и длинные, почти до плеч. Ему бы майку с черепами да глаза подвести черным, неплохой байкер получится.

Он все пытается подбодрить, и не понимает, что нагнетает и делает только хуже.

– Это замечательная школа! Тебе обязательно понравится! Все наши ребята довольны. И друзья у тебя будут.

“Вот это вряд ли...” – подумал я. Вслух же промычал:

– Мм-м... да, конечно.

– Я уже договорился с Оксаной Николаевной. Тебя записали в 8-Г.

– Здорово... значит буду “Гэшкой”, – без энтузиазма ответил я.

Директор наконец-то оставил попытки меня разговорить. Все эти социальные работники сначала милые до приторности, и чем милее вначале, тем ббльшими сволочами оказываются впоследствии.

Но, честно говоря, злился я сейчас больше на себя, и ни директор, ни новая школа тут ни при чем. А все потому, что ноябрь – самый неурожайный на чувства месяц, и я уже которой день сижу на вынужденной диете. А когда голодный, контролировать себя невероятно сложно. Надеюсь, директор не заметил, что мои волосы за последние пять минут посветлели, а глаза поменяли цвет с темно-синего на серый. Усилием воли я попытался прекратить это безобразие. Теперь голова трещит, будто в ней кто-то бильярдные шары гоняет.

Пока дулся на директора, на себя и на весь мир, мы миновали грязный переулок между потертыми жилыми домами, и вышли к территории школы, огороженной металлической сеткой. Школа, как и все здания в этом городе, с виду серая трехэтажная коробка с плоской крышей и большими тусклыми окнами в черных рамах. С правой стороны безлюдное крыльцо с навесом и широкими лестницами. Метрах в тридцати от крыльца большим вонючим озером раскинулся кот-

лован, наполовину заполненный мутной коричневой жижой. Из воды торчат разнокалиберные сваи, а по берегам груды строительного мусора.

Тоже, поди, строили-строили и наконец... недосторили.

В Горянке та же история. Хотели новый спортзал и столовку для сирот отгрохать, а получилась помойка посреди жилого квартала. Зато у пацанов новое развлечение – катание по котловану на плоту. Они его из подручных средств сколотили. Очень интересное занятие – копаться в грязи...

За котлованом виднелось здание школьной теплицы, окутанное буйной зеленью. Из-за его пристройки вышла маленькая пухлая женщина в белом пальто и светлых туфлях. Она начала обходить котлован, направляясь в сторону школы по узкой тропинке, протоптанной в земле. Несколько раз она поскальзывалась на раскисшей слякоти и почти падала, но в последний миг опять находила точку опоры, балансируя широко расставленными руками. Зрелище, как в шапито. Я бы с удовольствием и дальше смотрел на это бесплатное представление. Падение в грязь белого пальто было вопросом времени. Но директор уже скрылся за углом школы, и пришлось его догонять. Танцующая в грязи женщина пропала из виду.

Со двора школа выглядела куда оживленнее. Дети разных возрастов сновали, как муравьи, стекаясь с разных сторон к небольшому крыльцу запасного выхода. Мимо проскользнула цепочка мелюзги. Все в спортивной форме, видимо, то-

ропятся к стадиону на физру.

“Сифа!” – неожиданно заорал кто-то сзади. Я оглянулся, и не напрасно. Как бешеный носорог, на меня несся долговязый детина. Я едва успел увернуться от сумки, просвистевшей в миллиметре от уха. Не достигнув цели, сумка плюхнулась прямо в середину огромной лужи. Но тут же другой остолоп подхватил ее и с тем же боевым кличем атаковал следующую жертву. Этот оказался более метким. Сумка угодила в затылок девчонки, сбив с нее смешную шапку с помпоном. “Тупила, Ступакова, держи сумку!” Девочка нагнулась и подобрала шапку, а потом и забрызганную грязью сумку. Лицо у нее было бледное и серьезное, глаза сверкали серым, а губы превратились в сплошной минус. Роста она была небольшого, но стояла прямо, как скала, презрительно оглядывая обидчика.

Шла бы ты скорее, пока еще не наваляли.

Мой провожатый оказался на редкость ловким типом. Он быстро поймал сначала одного метателя сифы, а потом и второго.

– Пойдем, – окликнул меня Юрий Михайлович. – Этим горе-спортсменам с нами по пути. Пусть побеседуют с директором.

В капканах рук Юрия Михайловича пацаны извивались, как червяки, а мы медленно, но верно продвигались к кабинету директора школы.

Секретаря на месте не оказалось, зато на наши тяжелые

шаги вышла сама директриса, высокая женщина с крупными чертами лица и лошадиными зубами, но вполне миловидная.

– Здравствуйте, Оксаноч. . . Оксана Николаевна, – выдохнул Юрий Михайлович, покраснел, и выражение его лица стало по-детски глупым. Вокруг его головы расцвело и замерцало розовое облако.

Ну кто бы мог подумать, что в кабинете директора ждет такая удача! Руки разжались, и я принялся за завтрак. Я весь до кончиков волос превратился в черную дыру и тянул энергию, разгоняя реактор сердца. В то время как Юрий Михайлович бледнел и успокаивался, я задышал глубоко и часто, избавляясь от усталости и апатии последних дней.

Юрий Михайлович наконец-то вспомнил, зачем пришел. Он опустил руку мне на плечо и слегка подтолкнул вперед, представляя директрисе:

– Вот, привел вам нового ученика, зовут Тимофей Невинный.

– Ну, это мы еще посмотрим. . .

Н-да, в миллионный раз это особенно смешно.

– А эти тоже ваши? – спросила она, посмотрев в сторону двух любителей поиграть в баскетбол чужими сумками.

– Нет, к счастью. Нам чужого не надо. Думаю, они сами расскажут о своих подвигах.

– Хорошо, – вздохнула Оксана Николаевна, давая понять, что на самом деле ничего хорошего шутников не ожидает. Парни у двери сопели и переминались с ноги на ногу.

– Ну что ж... – протянула она, взмахивая рукой и высвобождая из рукава платья часики на тонком золотом браслете. – Звонок дадут через пять минут. Нам стоит поторопиться. Первым уроком у тебя алгебра, – она взглянула на меня. – Наталья Георгиевна очень не любит, когда прерывают ее уроки. Потом занятия по русскому и литературе. Одноклассники проводят тебя до кабинета. Последним уроком стоит физкультура. Ты сегодня можешь не ходить, но к следующему разу, пожалуйста, будь готов.

Она направилась к выходу приглашая меня следовать за собой. В проеме двери директриса кокетливо оглянулась.

– Подождите здесь, Юрий Михайлович, я буквально на несколько минут. Мне нужно еще кое-что с вами обсудить.

– Конечно, конечно, не торопитесь, – расплылся в улыбке тот, излучая энергию, как электростанция.

Уходить совсем не хотелось. Чтобы по-настоящему насытиться, нужно гораздо больше. Когда еще представится такой случай? Но моими желаниями здесь интересовались в последнюю очередь.

Оксана Николаевна повела на третий этаж. Мы чинно прошествовали мимо дверей с табличками “Кабинет географии” и “Кабинет истории”, и, наконец, добрались до заветной двери. Оксана Николаевна постучала и, не дожидаясь ответа, открыла, пропуская меня вперед.

Сколько раз приходилось входить в класс вот так, после звонка, с директором или старшим воспитателем? Я уж со

счета сбился. “Ребята, у нас новенький.” Двадцать пар глаз тупо смотрят на тебя. А ты замечаешь, как один болван ковыряет в носу. Другой болван бьет третьего болвана линейкой. Еще один болван обязательно хихикает и говорит какую-нибудь пакость на ухо соседу. Девчонки смотрят так, будто им впаривают барахло, а они сомневаются, брать или не брать. Самый дерзкий болван обязательно попытается поставить подножку. Цирк бесплатный!

Мы вошли. Классы ничем не лучше, а может даже и хуже детдомовских. Три ряда парт с лавками, выкрашенными в светло-зеленый цвет и местами облупившиеся. Видавший виды учительский стол с потрескавшейся полировкой столешницы, коричневая доска в меловых разводах, по стенам развешаны математические таблицы и пара портретов с неизвестными мне учеными. На окнах потрепанные тюлевые занавески, сиявшие белизной когда-то в другой жизни. На подоконниках пара горшков умирающей от засухи герани и уродливо разросшееся алоэ. Пахнет мелом и потными подмышками.

Перед классом возле доски стояла маленькая пухлая женщина с двойным подбородком, та самая, что танцевала в грязи. Большие круглые очки с толстыми линзами чудом держались на кончике ее носа. Острый, словно скальпель, взгляд препарировал пространство вокруг, а пальцы теребили длинную стальную указку. Наталья Георгиевна в раздражении ожидала, когда класс затихнет, и все займут свои ме-

ста. Несколько ребят все еще копошились возле парт.

– Рамазанов! Ты когда усядешься, наконец?! – гаркнула математичка, отчего полный и неуклюжий пацан, по всей видимости, тот самый Рамазанов, поспешно плюхнулся на лавку. Нечаянно он смахнул учебник, и тот с треском повалился на пол, за ним последовала ручка.

– Рамазанов! Ты опять всех задерживаешь! Из-за тебя у класса будет меньше времени на проверочную работу!

Рамазанов, затравленно озираясь, с третьей попытки поднял книгу. Чтобы достать ручку, он с полминуты шарил в ногах впереди сидящей девчонки. Та же, вместо того чтобы помочь, только насмешливо корчила рожу. Наконец, Рамазанов отыскал пропажу и, пыхтя, уселся за партой.

Мне стало противно, и я поспешил перевести взгляд куда угодно, лишь бы не видеть Рамазанова. Так уж случилось, что в поле зрения опять попала Наталья Георгиевна. И тут я понял, отчего мой жирный одноклассник ведет себя так, будто он не на уроке математики, а в концентрационном лагере. Математичка, продолжая теребить указку, следила за каждым его движением и сосала энергию.

Паучиха! И угораздило опять нарваться на вампира страха! Вечно они все дело портят. Запугают так, что поджилки трясутся. Какая уж там любовь. Где страх, там нет любви. А если нет любви, я останусь голодным...

– Наталья Георгиевна, извините, что прерываем... – слышался нетерпеливый голос директрисы.

– Ничего, Оксана Николаевна. Вы привели новенького.

Что, рассчитываешь получить еще одну жертву?

– Да. Это новый ученик. Зовут Тимофеем. Фамилия Невинный. Он из Никитского детского дома. Запишите, пожалуйста, в журнал. У него пока нет учебников, но я уверена, к следующему уроку он подготовится.

– Проходи, Тимофей. Вот тут есть свободное место, – математичка махнула рукой в сторону класса.

Я направился к указанному месту и в удивлении остановился. Взгляд уперся в ту самую девчонку со школьного двора, над которой издевались два лоботряса. Она сидела рядом с моим местом, опустив голову и устремив взгляд на сцепленные руки. Выглядела она жалко. Светло-русые волосы кое-как собраны в хвостик, на правой щеке черными точками застыла грязь. Такие же мелкие, уже засохшие брызги красовались на белом воротничке синего в красную клетку платья. Злополучная сумка, вся в коричневых кляксах, валялась у нее под ногами. Девчонка носком ботинка подвинула ее в сторону.

– Садись, – математичка подтолкнула меня в спину. – Не задерживай класс.

Раздалась пара смешков, и я поспешил сесть. Не хватало стать посмешищем в первый же день. Тем временем директриса исчезла за дверью, и урок пошел своим чередом.

Математичка, как и обещала, начала с проверочной работы. На решение трех уравнений всего десять минут. Класс

загудел. Сосед Рамазанова ткнул его в спину ручкой, обозвав “жиртрестом” и “идиотом”. “Сам идиот!” – буркнул Рамазанов, за что тут же получил подзатыльник от математички. Однако протестующих не осталось, как только каждый получил свой листок с заданием. Класс погрузился в тишину, лишь изредка прерываемую скрипом лавок или шуршанием тетрадной страницы.

Задание было довольно сложным, и я успел решить только два уравнения. Неужели кто-то осилил все три? Посмотрел бы я на него. Вообще-то в алгебре я неплохо соображаю, но тут одной писанины на целый лист.

Наталья Георгиевна уже шла по соседнему проходу и собирала работы. То и дело слышались недовольные вздохи, когда она выдергивала тетрадь из-под руки ученика. Понимая, что нет смысла браться за последнее уравнение, я скосил взгляд в сторону соседки. Она все еще корпела над первым.

Приглядевшись, заметил, девчонка неправильно переписала задание в тетрадь. Умудрилась перепутать плюс и минус, а один знак и вовсе потеряла. Неудивительно, что ничего не получается.

Может сказать ей? Да какая разница?

Математичка сложила работы аккуратной стопкой у себя на столе и принялась объяснять новую тему. Надо сказать, учителем она была неплохим. Рассказывала просто и доходчиво, и я даже увлекся уроком. Но потом Рамазанова вызва-

ли к доске. Видимо, сегодня он был любимой жертвой.

Бедолагу спас звонок. Но не только он спешил поскорее убраться из класса. Всех будто унесло ураганом. Запихивая тетрадь в сумку, я тоже побежал в коридор.

Глава 3

Кабинет русского и литературы оказался этажом ниже. Пока шла перемена, одноклассники рассыпались по коридору, занимаясь кто чем придется. Знакомиться никто не спешил. А я и подавно не торопился найти очередного воздыхателя. Встал в сторонке и пригляделся к ребятам.

Несколько пацанов начали играть в наступашки. По крайней мере, так эту игру называли в моем предыдущем детском доме. Эти дурни ржали и толкались, как малолетки, пытаясь наступить друг другу на ноги. Вообще-то мы тоже не брезговали наступашками, но скакать за здорово живешь никто бы не стал. Иногда играли на деньги. Но чаще всего на кону стояло дежурство по комнате.

Неподалеку пара знатоков спорила, какой внедорожник круче, “Гранд Чероке” или “Хаммер”. Где они видели такие тачки? Только на картинках...

Девчачья половина сбилась в кружок. Они шушукались, хихикали и кидали в мою сторону любопытные взгляды. Ну вот, и дня не прошло... Детдомовщиной заинтересовались. Отсутствие прыщей все компенсирует.

На нас часто смотрят, как на ущербных. Во взгляде одновременно и жалость, и презрение. А если уж парень, тем более пропащий, без надежды и будущего. В глазах домашних сопляков ты уже уголовник, наркоман или уличный попро-

шайка. А тут, смотри-ка, чуть ли не подмигивают. Нет уж, спасибо. Из-за таких вот истеричек я в Горянке всего полгода продержался. И черт меня дернул улыбнуться ей тогда!

Я отвернулся от курятника, и заметил соседку по парте. Она стояла у окна. Взгляд неподвижен, на лице застыло выражение прямо-таки вселенской грусти.

Да уж, радости мало. Двойка по математике обеспечена.

Соседка вдруг встрепенулась и зашагала к группе одноклассниц.

– Вика! – обратилась она к рыжеволосой веснушчатой девчонке.

Та обернулась, наигранно закатила глаза и бросила:

– Тебе чего, Ступакова? У нас бойкот, ты забыла?

– Нет, – холодно ответила Ступакова. – Галина Абрамова просила передать, что ты не сдала домашнюю работу на прошлом занятии.

Не дожидаясь ответа, она развернулась и пошла проч.

– Угу. Иди и дальше подлизывайся к учителям, – проворчала Вика.

Ступакова вернулась к окну. Там она и простояла до конца перемены, изучая дождевые капли на стекле.

Прозвенел звонок, и ребята потянулись в класс. Я вошел одним из последних и, заметив уже знакомое свободное место, устремился напрямик к нему. Соседка готовилась к уроку, выкладывая учебники и целую горсть разноцветных ручек. Я присел рядом, достал чистую тетрадь и единственную

ручку, что была у меня в арсенале. Девчонка рядом тоже закончила с приготовлениями и опять уткнулась в окно.

Интересно, что она там высматривает? И неужели это что-то может привлекать сильнее, чем симпатичный новенький?

Равнодушная соседка по парте – то, что нужно. Вот только тело мое такое положение вещей не устраивало. Волосы начали темнеть, ощущалось сильное напряжение в скулах, а глаза защипало, будто в них лимоном брызнули. Я весь напрягся, пытаюсь сдержать превращение. В затылок ударила тупая боль. Чувство голода вернулось с прежней силой, и я крепко сжал кулаки. Придется потерпеть до следующей перемены, а там обязательно найду, чем поживиться.

Учитель русского, толстушка с улыбочивым круглым лицом, оказалась куда приветливее математички. Даже пожелала удачи в новой школе.

Начали с диктанта. Ольга Николаевна – так звали учительницу – читала отрывок из какого-то романа. Слова произносила четко и с выражением, только пень запятую пропустит. Вспомнив, сколько ляпов сделала соседка на математике, я заглянул в ее листок. Беглого просмотра хватило, чтобы заметить несколько до смешного нелепых ошибок. Не говоря о классике жанра типа “девчЕнка”, были такие как “будуЮщий”, “остаёЦА”, и даже “дрИбИзжаЧий”. Но больше всего повеселил “преподавИтель”. Перлы с начальной школы.

Я легонько тронул соседку за плечо. Она вздрогнула, как от удара.

Вот странная!

Я показал кончиком ручки на ошибки. Исправлять писанину она не спешила, а вместо этого воззрилась, словно стала свидетелем сомнительного фокуса и еще не понимает, в чем подвох. Я пожал плечами и отвернулся.

Что за идиотская идея помогать ей? Пожалел неумеху, а ей моя жалость до звезды.

Остаток урока сидел отвернувшись. Она же, напротив, заинтересовалась мной и рассматривала, словно я музейный экспонат. Когда прозвенел звонок, обратилась ко мне:

– Спасибо за диктант. Я Надя, – и протянула руку.

Вот еще! Рук я девчонкам не жал!

– Тимофей. Не за что, – озадаченно отозвался я.

Она пожала плечами и вышла из класса. Заняла свой сто-рожевой пост у окна. Пару секунд я наблюдал за ней, но потом отвлекся на кое-что поважнее.

Я почувствовал очень сильный источник энергии. Она была ключом, расползаясь по классу сладкими густыми волнами. А я уже начал опасаться, что никто из одноклассников не влюблен. Не двигаясь, боясь спугнуть, я жадно потянул энергию и чуть не захлебнулся. В глазах поплыло, и из груди вырвался стон. Боже, как хорошо! По всему телу словно солнечные зайчики заплясали. Я втянул голову в плечи, закрыл глаза и утонул в буре чистого кайфа. Но неожиданно вкус переменялся, появилась горчинка, а потом источник и вовсе иссяк. Не сдержавшись от досады, я стукнул кулаком

по парте. Так всегда с любовью подростков: сначала фейерверки вкусов, но все неизменно заканчивается горечью.

Я обернулся, чтобы проверить, кто испортил все дело. Вычислить влюбленного Ромео не составило труда. Скорбная физиономия следила за объектом своих вожделений. Это был мальчишка с растрепанными волосами цвета соломы и перекошенным воротничком рубашки. Владелец острого носа, усыпанного яркими веснушками, своими короткими и резкими движениями напоминал воробья. Проницательный взгляд, следующий по пятам той самой Вики, выдавал его с головой.

Вика напропалую флиртовала с кудрявым красавчиком. Он ей нравился, но не более того. Меня не проведешь. С кудрявым тоже все ясно, Вика не в его вкусе. Но, видно, ему льстит внимание рыжей, раз так старается поддержать милый треп. А Ромео совсем скис, рожа такая, будто у него колики.

Вернулась соседка, вытащила из-под парты грязную сумку. Между нами начала расти пирамида из учебников и тетрадей.

А задачник-то зачем на литературе?

Последним соседка достала небольшой альбом. Карандаш в ее левой руке запорхал смело и размашисто. Из-за груды учебников было нелегко подглядывать. Но в конце концов я сумел найти удачное положение.

Сначала в хаосе линий трудно было различить что-то кон-

кретное. Но чем плотнее укладывались на бумаге штрихи, тем отчетливее вырисовывались формы. Словно из тумана проступали один за другим нос, губы, подбородок, брови и, наконец, глаза. Туман рассеялся окончательно, и я с ужасом узнал в незнакомце себя, переданного с невероятной точностью. Я не понимал, как возможно, чтобы человек, неспособный без ляпов переписать в тетрадь строчку цифр и делающий по три орфографические ошибки в слове, уловил, запомнил, и перенес на бумагу сложный образ – человеческое лицо. Она даже не смотрела на меня, пока рисовала.

По спине поползли мурашки. Я закрыл лицо руками.

Она расколет меня как орех, в два счета!.. Как обмануть ее фотографическую память? Никакие логические доводы не убедят девчонку не верить своим глазам. Ведь я меняюсь, не могу себя контролировать! И надо было так влипнуть на ровном месте!

– У тебя голова болит?

Я вздрогнул.

– Что? – я оторвал руки от лица.

– Тимофей, ты плохо выглядишь, – учительница смотрела озабоченно. – Если себя плохо чувствуешь, сходи в медпункт.

– Да... кажется... мне что-то нехорошо...

– Надя, проводи Тимофея и возвращайся на урок.

Вот спасибо! Только этого не хватало!

Я сгреб вещи в сумку и поспешил вон из класса.

– Эй! Ты куда так торопишься? Ты не в ту сторону пошел, – услышал я вслед.

Я резко повернулся и поплелся за Надей, отставая на полшага и стараясь больше не попадать в ее поле зрения. Мы молча прошли в конец крыла и остановились возле двери с табличкой “Медпункт”.

– Ну, пока, – сказала она.

Опять пялится!

– Угу, – я поспешил скрыться в кабинете врача.

Глава 4

Я нацепил наушники, вдавил кнопку плеера и, подчиняясь монотонному ритму, поплелся в сторону детского дома. Небо часто сеяло дождевые капли на мокрый, тускло поблескивающий асфальт. Старые ботинки раскисли, и в ногах скоро захлюпало. Капюшон сполз на глаза.

Почему я всегда оказываюсь в подобных городах? Они одинаковые, как под копирку, скучные, кислые, осенние. Ненавижу эту безысходность бетонных пятиэтажек с пыльными окнами, с черными норами подъездов, изглоданными скелетами лавок, с пожухлыми кустиками вдоль загаженных тротуаров. Города, где люди упаковали свой мир в четыре стены и терпеливо ждут конца. И пусть я внешне мало отличаюсь от общей серой массы, хожу теми же грязными улицами, влачу ту же тусклую небогатую на события жизнь, верю, рано или поздно все изменится. Просто потому, что мне этого недостаточно, мне душно здесь.

Пора прекратить ассоциировать себя с людьми. Я тот кто есть и должен это принять. Мои чувства и мысли должны быть совсем другими. Зачем мне их мелкие радости? Вся эта любовь и дружба – не мое! Точнее... Я этим питаюсь и точка! Из этого кодекса не может быть исключений.

Я не могу быть с ними – это ясно. Кто они и кто я? Нельзя забывать об этом. Нужно научиться держать дистанцию. Как

часто я наступал на одни и те же грабли! Сколько раз говорил себе: “Не выделяйся, следи за своими превращениями, действуй осторожно”. Вот только словами сыт не будешь... И разве кто-то давал выбор, кем быть? Если уж так случилось, что они – стадо овец, то мне нужно научиться быть волком. Иначе просто не выжить.

Рано или поздно люди вокруг понимали, я другой. Сложный ребенок, “странный” – любимое слово. Они замечали необычные вещи, которые не могли объяснить, и чем больше их становилось, тем сложнее игнорировать. Меня всегда боялись и изгоняли, не осознавая настоящих причин, которые были слишком “странными”, чтобы кто-то решился заговорить о них прямо. Я больше не буду изгоем.

Эта девчонка, Надя, – ее нужно остерегаться прежде всего. Глаза у нее дерзкие, будто насквозь видят... Не похожа она на обычного человека. Есть в ней что-то сложное, непонятное... Больше не сяду с ней за одну парту. Уж лучше займу место рядом с тем “Ромео”. Уверен, я его быстро раскручу.

При мысли о нем волной накатила тошнота, и в висках застучали молоточки. Голод проснулся с новой силой. Я отключил плеер и огляделся, ловя себя на мысли, что давно пропустил нужный поворот. Улица вдруг стала незнакомой. Серые дома в дождевых потеках, мокрые серые тротуары – немудрено заблудиться в этом болоте! И как назло, ни одного прохожего. Нужно вернуться назад. Кажется, я шел прямо,

или вот здесь направо повернул? Быстрым шагом я направился в обратную сторону. Я почти бежал, но чем дальше, тем яснее понимал, что окончательно потерялся. На противоположной стороне улицы я заметил фигуру в темном плаще и помчался туда.

– Вы не подскажете, где здесь Никитский детский дом?

– Нет, извини. Я в этом районе случайно, ничего тут не знаю. – Фигура в плаще заспешила прочь, растворяясь в дожде.

Я побрел дальше вдоль незнакомой улицы. Все вдруг стало безразлично. Я весь отдался этому настроению и просто шел и шел, поворачивал на очередном перекрестке и плелся дальше. Небо становилось мрачнее, опускались сумерки, дождь постепенно превратился в снег. Белые хлопья густо падали на мокрый асфальт и тут же исчезали. Впереди замаячил парк, я свернул туда.

Редкие фонари освещали аллею.словно мошकारа, в лучах света роились снежинки. Усталой походкой я брел по заснеженному парку и мерил свой ход сменяющимися темными и светлыми промежутками. В этом было что-то успокаивающее. Вдруг я остановился.

В кругу света, облепленная белым мерцающим пухом, кружилась девочка, поднимая легкий вихрь снежинок вокруг. Она двигалась медленно в такт падающему снегу, и сама казалась хрупкой снежинкой, которая вот-вот растворится в воздухе. Я не мог пошевелиться, замороженный открыв-

шейся картиной. На миг показалось, это мир пришел в движение и вертится вокруг нее, как вокруг центра вселенной.

– Снег идет... правда, здорово? Я целый день ждала, когда пойдет снег! Волшебно...

Ее влажные глаза цвета текучей ртути, обрамленные длинными, почти прямыми ресницами, смотрели на меня. Надя предстала передо мной словно видение – вся белая, с капельками талых снежинок на розовых щеках.

– Ты что здесь делаешь?

– Я... гуляю. Шла из школы и решила пройтись по парку.

А ты?

– Я тоже.. типа того... Я немного заблудился.

– Школа здесь недалеко. Тебе в Никитский?

– Ага.

– Хочешь, пойдем вместе, мне в ту же сторону.

– Давай.

Глава 5

Мы шли рядом в тишине оглохшего, остановившегося во времени города.

Я не знал, что сказать ей. Было неловко идти и просто молчать. И зачем только согласился, чтобы она показала дорогу.

– Смотри, – сказала Надя вдруг без предисловий и протянула руку.

– Что?

– Вот, – она указывала пальцем куда-то на рукав своего пальто.

– Что там? Я ничего не вижу.

– Да вот же она! Посмотри! Идеальная снежинка!

Серьезно?!..

Я подошел поближе и пригляделся.

– Ну да, снежинка...

Я украдкой глянул на нее, пытаюсь поймать иронию во взгляде, но Надя была серьезна.

– Она идеальная! Просто идеальная... Как много ты видел в своей жизни абсолютно идеальных созданий?

– Ну, не знаю, – ответил я уклончиво.

– У всего есть какой-то изъян, ну буквально у всего. Человек настолько несовершенен, что непонятно, зачем он вообще такой нужен. Даже простые предметы, и те небезупречны. Первый снег – это редкий случай, когда можно увидеть

что-то по-настоящему прекрасное и совершенное.

– А вдруг она под микроскопом окажется вся кривая и косая?

– Да нет, эта останется самой красивой, – она смахнула снежинку с рукава. – Пусть летит, выполнит до конца, что ей предназначено.

– Да что ей предназначено-то? Падать с неба на землю?

– И она делает это идеально.

Надя настолько преобразилась, что появилось ощущение, будто мы познакомились несколько секунд назад. Я всеми силами старался не смотреть на нее, а она, нисколько не смущаясь, весело изучала меня. Уверен, она видит меня насквозь, и каждая деталь уже запечатлена, задокументирована в ее сознании.

– Пришли.

Тишина лопнула. Я вздрогнул и посмотрел на свою попутчицу. Вдруг почувствовал, как во мне что-то сломалось, безвозвратно повредилось, и уже никогда не вернется в исходное состояние. Внутри все задрожало, перед глазами заплясали желтые пятна. Я начал меняться прямо у нее на глазах. Мое лицо, словно кусок глины в руках бездарного скульптора, деформировалось, потеряло гармонию и рельефность черт. Тело вышло из под контроля, и каждая клетка заплясала в собственном диком ритме. Мне было больно, как никогда в жизни.

– Хватит! Хватит! – взревел я. – Перестань! Мне больно!!!

– Что с тобой?..

– Уходи! Хватит!

Я бросился к дверям детского дома.

– Постой! С тобой что-то не так!

Все не так!!! Все, все, все со мной не так!!! Влетая в холл, я чуть не вырвал дверную ручку. Метнулся куда-то, не разбирая дороги, но ноги подкосились, и я повалился навзничь. Лямка лопнула, и сумка отлетела в сторону.

– Эй! Ты мне тут натопчешь сейчас! – услышал я чей-то голос.

Спрятаться... надо... сейчас... куда? ... лестница... куда?... темно... Черт!

Глава 6

– Где я? – все тело словно объято огнем. Перед глазами пляшут черные мушки.

– Лежи, лежи! – кажется, это директор. – Первый день в школе, не очень удачно, да? Ну ничего, бывает. Отдохнешь, и все пройдет. Кушать надо хорошо. Не ел ничего толком, вот голова и закружилась. Куда торопился-то так?

– Есть хочу! Юрий Михайлович, помогите! Все болит! Есть хочу...

– Ну-ну. Чего уж так причитать, – директор поправил подушки. – Сейчас Верочка принесет что-нибудь из столовой.

– Нет, не то...!

Я дернулся вперед. Нужно было срочно выйти на улицу, найти кого-нибудь... Но меня замутило, и я упал назад на подушки.

– Что не то? Ты прямо сам не свой!

Вот он, этот долгий ласковый взгляд.

Мало, мало, еще! Есть хочу!

– Все ведь в порядке? Посидеть с тобой?

– Да...

Глава 7

Пятна света на кафельном полу. Тяжелые шаги из коридора. Дверь! Нельзя позволить ему войти! Стук. Толчки. Я навалился на дверь всем телом. Нет! Я не пущу тебя! Холодно. Дверь покрывается колючим инеем. На ней начинают проступать бурые пятна. Нет! Убирайся!

.....

– Входите, входите. Мы его здесь пока положили. Надеюсь, все сделали правильно. Я вам сразу позвонил, как и просили, – Юрий Михайлович опять тараторил. – Может, все-таки врача пригласить. У нас очень хороший педиатр работает в Никитском, Петр Викторович. Я пока не звонил.

Кто-то дотронулся до моего лба ледяными пальцами и тут же отдернул руку.

– Ну как же, ребенок сознание потерял... – настаивал Юрий Михайлович. – Да и порядок такой.

Я попытался открыть глаза, но на веки словно свинец положили.

– А вы уверены, что с ним все в порядке? Он есть просил. Мы пытались покормить, но...

Ответил голос, смутно знакомый, тихий, как шуршание опавших листьев.

– Друзья у него есть?

– Друзья... Он у нас недавно. Девочка про него спраши-

вала сегодня.

– Девочка пусть навещает, не препятствуйте, – прошеле-стел незнакомец.

Голоса начали удаляться. Я напрягся и с трудом приоткрыл глаза. На пороге комнаты у двери стояли двое. Коренастая и широкоплечая фигура принадлежала, конечно, Юрию Михайловичу. Но с кем он так заискивающе беседует обо мне? Высокий, тонкий мужчина в темном пальто. Никак не разглядеть лица... Перед глазами все плывет.

– А если хуже станет, то, может, все-таки врача?... – опять послышался голос директора.

– Хуже не будет, не беспокойтесь. Впрочем, наблюдайте и звоните, если что. Станет хуже, заберем.

– Хорошо, я буду наблюдать круглосуточно. Дам вам знать...

Темная фигура повернулась, но лица не разглядеть.
Кто ты?! Кто?

Попытался приподняться, но слабость пронзила тело, и я провалился в темноту.

Глава 8

Тепло. Как тепло в комнате! И как вкусно...

– Ты еще тут, Наденька? Сидишь? Я вот тебя позвал, а за чем...? Все равно ведь без сознания лежит. Что-то ты бледная какая-то. Устала, наверно? Иди уже домой.

– Да, устала что-то. Можно я завтра еще приду?

– Конечно, приходи, если хочешь.

Глава 9

– Тимофей! Очнулся! Ну, молодец парень, молодец! А мы тут все глаза проглядели. Смотрим, вроде порозовел, лучше, кажется, тебе стало, а все не приходишь в себя!

Юрий Михайлович склонился надо мной и потрогал лоб. Ладонь у него была влажной, неприятной.

– Ну что, голодный, наверно!? Неделю ведь пролежал, все бредил. Не ел, не пил. Как без питания-то совсем? Голодный?

– Нет. Я в порядке. Я сыт, – я сел в постели.

– Вот тебе здрасте... А всю неделю как стонал: “Есть хочу”! Вчера только затих, на поправку пошел. Мы с Наденькой от тебя не отходили.

Тут только я заметил хрупкую фигурку в кресле, свернувшуюся калачиком. Юрий Михайлович посмотрел на девочку.

– Устала, спит бедная. Да и я устал за эту неделю. Ох, и

понервничали мы, Тимофей.

– Заберите Надю, пускай домой идет. Я уже в порядке.

– Да будить не хочется. Спит так сладко.

– Заберите. Пусть в другой комнате спит.

– Что ж, раз она тебе мешает.

Юрий Михайлович поднял Надю. Она не проснулась. Ее тонкая рука свесилась и раскачивалась, когда директор понес девочку к дверям.

– Может тебе что-то нужно?

– Принесите мой плеер и пару кассет, если можно.

Директор кивнул.

– Я пришлю к тебе Верочку с бульоном, – бросил он, протискиваясь в дверной проем. – Поправляйся.

Глава 10

Мой второй день в школе... Всего лишь второй день.

Я стоял за углом, дожидаясь назначенного часа. Когда до звонка осталось пять минут, я, скрипнув зубами, тронулся с места. Успел как раз вовремя, залетел в кабинет вместе со звонком. Опустив взгляд, лишь бы только не попасться ей на глаза, я протиснулся в конец класса.

– Тут свободно?

Остроносый оторвался от учебника географии.

– Свободно, садись, – дернув плечом, ответил Воробей.

Начался урок географии. Молоденькая учительница проверяла присутствующих. “Невинный... Тимофей,” – она метнула кокетливый взгляд в мою сторону.

– Ну и фифа, – хмыкнул я.

– Ага, – улыбнулся Воробей. – Наша Любовь Александровна. Мы ее Фифой и называем.

Фифа цокала туда-сюда, то к карте, то к доске, записывая народонаселение какого-то государства. Добрая половина мальчишек пристально следила за каждым движением сиреневой юбки. Вторая была адептами белой шёлковой кофточки, точнее, выреза на этой самой кофточке... Девчонки тоже смотрели с благоговением, словно повстречали музу. Энергия тонкими струйками поднималась к потолку. Я облизнулся от удовольствия. По всему выходило, география

станет любимым предметом.

– А ты где две недели пропадал? – поинтересовался Воробей, не отрываясь от учительницы.

– Да так, гриппом болел.

Весь урок я пытался сосредоточиться на поклонниках Фифы. Но аппетит портился, как только бывшая соседка оборачивалась, чтобы в очередной раз впериться в меня дотошными туманно-серыми глазами. Каждый раз я ощущал невероятное смятение, как будто пойман на месте мерзкого преступления. Никогда ни один человек не производил на меня такого действия. Внутри что-то дергалось, и я чувствовал, что снова теряю контроль над собой. Это пугало и изматывало. Хотелось бежать, бежать как можно дальше, чтобы не чувствовать этого разоблачающего взгляда, который, словно хлыстом, стегал всякий раз, когда она оборачивалась. Но не мог же я, в самом деле, опять сбежать с урока! Не получится все время бегать от нее. Я должен что-то придумать, каким-то образом заставить отвязаться от меня.

Я с нетерпением ждал конца урока, но лишь прозвенел звонок, Надя встала и уверенным шагом направилась ко мне. Одним движением я смел вещи в сумку и, словно вор, бросился бежать из класса по соседнему проходу.

Наши догонялки продолжались весь день. На переменах я приклеивался к Воробью и, не отставая ни на шаг, заваливал вопросами о всякой ерунде, лишь бы не дать Наде вклиниться в наш разговор.

– Сашка, у тебя есть что-нибудь послушать?

– Есть “Кино”, “Агата Кристи”, “Чайф”.

– Понятно.

Стандартный суп-набор...

– А что-нибудь поинтереснее?

– Например?

– Ну, типа вот этого.

Я засунул ему в ухо наушник. В плеере играла “Lacrimosa”.

– Это че за симфония такая? – Воробей поморщился.

– Это готик-рок.

– Нифига на рок не похоже. Уфф... Они на немецком, что ли, поют?

– Ну да.

– И тебе нравится эта хрень?

Я уже хотел отстать от него, но Надя в очередной раз метнула взгляд в мою сторону и, казалось, была готова опять сорваться с места.

– Хорошо, давай попробуем вот это.

Я поменял кассету в плеере.

Только бы продержаться до конца перемены.

– А это че?

– “TheRion”. Направление – симфонический металл.

– Ну, тут, конечно, поживее. – Воробей недоуменно приподнял бровь. – Но они ж там хором поют...

– Тебе не нравится?

– Честно?

– Понятно.

Я достал еще одну кассету.

– Тогда последняя попытка. Моя любимая на сегодня. Так что буду признателен, если согласишься. Эта кассета мне просто чудом досталась. Их практически нигде не продают.

– Ну, давай, – Сашка вздохнул и опять засунул наушник в ухо.

– Слушай, так этих я знаю! – воскликнул он с облегчением. – Это ж Metallica, только без слов.

– Не, чувак. Это Apocalyptica, каверы на Металлику на виолончели.

– Неплохо. Только Металлика все равно лучше.

Надя все-таки подошла к нам. Я посмотрел на нее, пытаюсь сделать взгляд посуровее.

– Чего тебе, Ступакова? – громко спросил я.

Многие обернулись. Кое-кто одобрительно хмыкнул. Я чувствовал себя гадко. Надя опустила глаза и шумно выдохнула. Потом развернулась и зашагала прочь.

Она оставила попытки подойти, но взгляды ее стали еще более пронзительными.

Глава 11

Почти неделю удавалось избегать разговоров с Надей. Мы сидели в разных концах класса. Я не подходил, и она тоже больше не пыталась заговорить со мной. Я уже привык сидеть за последней партой с Сашкой, которого почти сразу начал называть Воробей, но его это, кажется, только веселило. Я проводил с ним много времени, и мы быстро сдружились.

Обычно мы встречались с Воробьем в сквере по дороге в школу и болтали о том о сем. Я неизменно подначивал его на разговоры о рыженькой Вике – его безответной любви. И он делился самым сокровенным, ничего не подозревая.

– Я в нее влюблен чуть ли не с первого класса, представляешь? Мы даже дружили раньше... пока она не решила, что я ее недостойн. Она живет тут неподалеку, в соседнем дворе. Каждое лето мы тусим в одной компании, и между нами опять... все налаживается. Но как только начинается школа, она перестает меня замечать, – Сашка тяжело вздохнул и пнул пустую пачку из-под сигарет. Он их вечно где-то находил. Увидит, и обязательно пнуть надо. – Я не могу ее понять. Она ведь классная девчонка... И что мне со всем этим делать?

Да выкинуть ее надо из головы раз и навсегда. Тут все ясно.

Ему я, конечно, такого не сказал.

– Попробуй пригласить ее куда-нибудь.

– Ха! Пригласишь ее... Да к ней вообще не подойти, когда она со своей свитой. Они потом месяц надо мной стебаться будут.

– Ну, не знаю. Может, напиши ей тогда?

– Нет! – Сашка поморщился. – Я уже писал как-то... Она эту записку чуть ли не всему классу прочитала.

Вот зараза! Какого черта ты все еще о ней думаешь?

Я бы, пожалуй, избавил тебя от бесполезных страданий, только что же мне есть тогда?...

– Ну подожди, может быть она еще... разглядит тебя.

Или пожалеет, когда в очередной раз станет скучно.

После таких разговоров Сашка зевал и жаловался, что уже который день не высыпается. Я же, наоборот, приближаясь к школе, чувствовал себя все лучше. Так было и в четверг, когда мы завалились в класс на математику. Я уже начал располагаться за нашей партой, как вдруг послышался стальной голос математички:

– Я не разрешала пересаживаться. Две недели тебя не было, а теперь собираешься веселиться с этим охламоном. Будешь сидеть со Ступаковой.

Паучиха!

Я нехотя поплелся на прежнее место. Нади еще не было.

Я заволновался: а вдруг все повторится, как в тот вечер? Вдруг и сегодня не смогу себя контролировать?

Я до сих пор не понимал, почему мое тело тогда слетело

с катушек.

– Привет, – услышал я за спиной.

Не проронив больше ни слова, Надя села рядом. Мое присутствие ее, кажется, не смутило.

Достав учебники, соседка принялась сосредоточенно точить карандаш. О чем она сейчас думает? Наверняка обо мне. Почему тогда молчит? Я был уверен, что она сразу накинется с расспросами. Что ж, тем лучше. Буду делать вид, что ничего не произошло.

Прозвенел звонок. Наталья Георгиевна вышла к доске. Потрясая пачкой бумаг и стреляя злобными взглядами, она принялась отыскивать новую жертву. На этот раз жребий пал на Надю.

– Я проверила ваши работы, – сказала Наталья Георгиевна тихим стальным голосом. Ее рот исказила полуулыбка. – Некоторые, как всегда, отличились умом и сообразительностью. Ступакова, ты слепая?! – вдруг гаркнула она. – Что за бестолочь! Встань, когда с тобой разговаривают!

Надя медленно встала из-за парты и уставилась себе под ноги.

– Ты не можешь переписать задание в тетрадь? Тут думать не надо, Ступакова, – Математичка выплюнула фамилию, как ругательство. – Тупить не надо! Тебя не учили писать в прописях? Копировать значки, черточки, палочки?!

Надя стояла неподвижно, и лишь пальцы ее руки мелко дрожали. Я посмотрел на эти тонкие, вымазанные чернилами

ми пальцы и неожиданно для себя самого выпалил:

– Наталья Георгиевна! Тут вот какое дело...

Окончание фразы я так и не придумал.

Математичка нехотя оторвала взгляд от Нади. Та схватила сумку и опрометью бросилась вон из класса.

– Ступакова!

Но Надя уже скрылась за дверью.

– И что за дети пошли...

Наталья Георгиевна внимательно посмотрела на меня. Я выдавил самую благодушную улыбку. Внутри что-то хрустнуло, и в следующее мгновение у меня на носу появилась горбинка. Математичка подняла бровь и поджала губы.

Гадство! Похоже, спалился! Черт дернул впрягаться за эту неумеху!

– Ну, хорошо, – процедила сквозь зубы Наталья Георгиевна, – открываем учебники.

Я поспешил спрятаться за книгой.

Если математичка поймет, что я знаю ее маленькую тайну, наверняка захочет избавиться от меня. Свидетели и тем более конкуренты ей не нужны. Я уже встречал вампиров страха, но до сих пор удавалось держаться в тени и не переходить им дорогу. Вот и сейчас нужно затаиться, а я, как идиот, полез на рожон. Может, обойдется? Откуда ей знать о таких, как я? Сами-то меняться не умеют.

.....

Я увидел Надю в коридоре после урока, и на этот раз все-

таким образом пришлось с ней заговорить.

– Ты так быстро убежала, что оставила свои вещи на парте, – я сгрузил ей в руки учебник, тетрадь и охапку ручек. – Не уверен, что нашел все твои ручки. Там все разлетелось....

– Спасибо, – Надя опустила глаза и прикусила губу.

– Математичка просто взбесилась!

– Некоторые люди ведут себя очень странно... – отозвалась Надя и многозначительно посмотрела на меня. Я резко отвернулся.

Да что она за человек? Почему чувствую себя таким уязвимым, когда она рядом?

– Мне пора, Сашка ждет, – буркнул я и пошел прочь.

– Опять убегаешь? – бросила она, но я не оглянулся. – Ты думаешь, я не знаю, кто ты?

Я остановился.

– Ты это о чем?

– Я многое про тебя знаю.

– Что за чушь! Ничего ты не знаешь!.. И вообще, нечего знать!

– Я наблюдала за тобой!

– Что?

– Я наблюдала за тобой, когда ты спал, когда ты болел.

Я не знал, что ответить. Кровь бросилась в лицо, в висках загудело. Я силился выдавить хоть какой-то звук, но горло словно стянуло в тугий узел. Надя отвернулась явно собираясь уходить.

– Постой! – наконец смог выдохнуть я, сбрасывая оцепенение. – Стой! – я схватил ее за руку. – Что ты знаешь?

Она резко отдернулась. Помедлив, опустила руку в сумку, достала альбом и сунула мне.

– И что это за...

Не слушая больше, она побежала и скрылась за поворотом.

– Эй!

Да что за чертовщина? Я повертел в руках ее подарок.

Ах, этот альбом! Я уже знал, что увижу там.

Рисунки. То ручкой, то цветными карандашами, и всюду я. На первой странице – я с разбросанными по подушке волосами корчусь на кровати. На следующей – я, скрючившись, с ногами, подтянутыми к подбородку. Потом отдельно крупным планом зажмуренные глаза и морщина на переносице. Листаю дальше. Двенадцатое ноября, 11:45, мое лицо крупным планом. Та же дата, но уже 16:15. Поза не изменилась, и даже выражение лица осталось прежним, но губы стали заметно полнее. А в 18:20 на носу появились веснушки. Тринадцатое ноября, 12:10, опять мое лицо вполне узнаваемо, но если обратить внимание на детали... Дьявол, как говорят, кроется именно в деталях. Я листал страницу за страницей. Казалось, художница прорабатывала всевозможные варианты носов, губ и ушей, но я прекрасно знал, что это мои губы, носы и уши, запечатленные в разные промежутки времени. И чтобы не возникало никаких сомнений, везде стояли дата

и время. Она рисовала меня всю неделю, пока был без сознания. Я в каждом ее рисунке!

Да, она действительно знала много.

Глава 12

На следующий день у меня созрел план. Нужно только дождаться подходящего момента, чтобы поговорить с ней, но случай не подворачивался. На уроке биологии к нам пришла Вероника Степановна – большеротая и порывистая женщина с неухоженными волосами. Она преподавала рисование и черчение, а по совместительству была художественным руководителем школьного театра. В этот раз Вероника Степановна приглашала поучаствовать в новогоднем спектакле. Воробей шёпотом прокомментировал, что каждый год средние классы вынуждены показывать унылый спектакль для мелочи из начальных.

– Кто желает участвовать? – с энтузиазмом спросила Вероника Степановна.

Несколько рук взметнулось в воздух, среди них была и Надя. Девочки захихикали:

– Ты-то куда, Ступакова?

Надя руки не опустила, а лишь через плечо презрительно оглядела обидчиц.

– Ступакова, а ты себе резиночки для волос из трусов выдергиваешь?

Рука Нади медленно поползла к голове. Наш курятник загудел от удовольствия.

– Девочки, девочки, успокойтесь! Я приглашаю всех же-

лающих, каждому найдется задание. Приходите завтра в актов^{ый} зал после уроков. Будем распределять роли для новогоднего утренника. Дедом Морозом будет Семенов Сергей. А роль Снегурочки пока вакантна, – Вероника Степановна заулыбалась во всю ширь своего немаленького рта.

Девчонки зашушукались: “Семенов будет!”

– Мальчики, обязательно приходите тоже. Нам нужны Волк и Медведь.

– А баран вам не нужен? Тут есть пара кандидатов.

– Или свинья... – подхватил сосед Рамазанова.

– Так, тишина на уроке! – повысил голос строгий и всегда угрюмый биолог. – Вероника Степановна, спасибо за объявление. Пожалуй, стоит продолжить урок.

На перемене весь женский состав обсуждал “Сереженьку”. Волны любви, как пёстрые ленты, расплзались от их компании. Нашел бы этого парня – пожал ему руку, честное слово! Вдруг тема разговора переменялась.

– А Ступакова-то у нас в актрисы собралась!

– Да ее детям показывать нельзя!

– Ну что вы, девочки, может, в новогоднем спектакле надо сыграть чучело.

– Да-да, кто-то ведь должен исполнять самую ответственную роль, – загалдела компания. – Ей и гримироваться не надо!

Раздался взрыв хохота. Но Надя и бровью не повела. Открыв тетрадь, она принялась рисовать.

– Сань, слушай, а че за проблемы со Ступаковой? Чем она всем насолила? – решил выяснить я.

– Да кто с ней общаться будет после того, что она сделала? Она же ненормальная. У нее давно кукушечку сорвало.

– В смысле? Что она сделала?

– Ну, с девчонками она давно не ладит. Я уж и не помню, чего они там не поделили в самом начале. В общем, Вика с Оксанкой как-то решили над ней прикольноуться. Заперли ее после физры в раздевалке, той, что подальше, на втором этаже. Ну, и оставили ее там... на ночь, короче, оставили.

– Ага...

– Да не говори! На самом деле, сами виноваты. В этих бабских терках не разберешься, кто прав, кто виноват. Ну вот, Ступакова просидела в раздевалке где-то до полуночи, может и дольше. Родители ее уже милицию вызвали. Они тут всю школу на уши поставили. А эта хоть бы закричала или в дверь стучала. Нет, она там своими делишками занималась... Когда дверь в раздевалку открыли, она стены разрисовывала, – Воробей покачал головой для убедительности. – Тимон, ты бы видел эти рисунки...

– И что там?

– Блин, такой жести в жизни не видел... Там даже милиционера на входе поставили, чтобы дети не смотрели. Только мы с пацанами по пожарной лестнице забрались и через окно подглядели.

– Ну, так что там было?

– Да полный капец там был, вот что! Она всех девчонок нарисовала...

Воробей выпучил глаза и выпалил:

– Мертвыми...

– Мертвыми?

– Ну, вот так... Помню, Вику она нарисовала с веревкой на горле и языком... И все, как настоящие... Жесть, короче!

– А она точно этих девчонок рисовала?

– Да, конечно! Ты знаешь, как она рисует?!

– Да, видел уже... – буркнул я.

– Эта Ступакова ненормальная! Что у нее там в голове творится?... Ее тогда чуть из школы не выгнали.

– Ну, никто не заставлял запирать ее в раздевалке...

– Да про это даже не вспомнили потом. Ее родоки извинялись, извинялись... ремонт в раздевалке сделали за свой счет. Кое-как замяли. Если бы отец Вики узнал...

Начался урок, и больше я о Наде не спрашивал.

Весь день я порывался осуществить свой план, но осмелелся подойти к ней, только когда закончился последний урок.

– Нам надо поговорить.

– Думаешь, стоит?

– Да, – я протянул ей альбом. Надя молча спрятала его в сумку.

– Не понимаю, зачем ты мне его дала. Рисунки, кажется, хорошие, но меня это не интересует, – сказал я небрежно и

громко, чтобы слышал класс.

– Я в этом не разбираюсь, – продолжал я. – Не знаю, что ты там себе нафантазировала... В общем, это была неплохая попытка обратить на себя внимание. Но, знаешь, ты мне не очень нравишься... – теперь уже все, кто был в классе, с интересом наблюдали устроенное мной бесплатное представление.

Надя выглядела так, словно ее ударили. Пятна заалели на щеке и щеках. Мне стало ужасно, невыносимо стыдно! Нельзя так обижать, но это был единственный способ отпугнуть упрямую девчонку навсегда. И тогда я нанес последний, самый гнусный удар:

– Эй, ну, ты не расстраивайся. Я не виноват, что ты в меня...

– Что!?! – слезы брызнули из ее глаз. – Ты дурак! – Она рванула прочь. Я спокойно посмотрел ей вслед и оглядел присутствующих. Все тарацились на меня. Хмыкнув, я закинул на плечо сумку и ушел из класса.

Я готов был умереть, провалиться в ад и гореть там вечно.

После этого позорного разговора я промаялся весь вечер. Чувство стыда жгло и разъедало изнутри. Мутило, как после удара под дых. Я без толку блуждал по холодному заснеженному парку, тому самому, где две недели назад увидел Надю в хлопьях падающего снега. Она казалась такой нежной, ранимой... С тех пор снег шел каждый день, и весь парк превратился в огромный сугроб. Лишь расчищенные дорожки

чернели местами.

Я все размышлял и прокручивал в голове события, связанные с Надей. Почему она все еще учится в этой школе? Неужели нельзя перевестись? Девчонку отторгают, словно чужеродный орган. А она каждый день возвращается в класс, как на битву. И я со своими объявлением... Гадство!

Ведь, она наверняка надеялась на меня. Во всяком случае, вряд ли ожидала, что я тут же приму условия игры класса. А я повел себя, как полная скотина! И это после того, как она неделю не отходила от моей постели. Ведь именно ее сострадание и непонятно откуда взявшиеся дружеские чувства насытили меня и вернули в сознание. Но в конце концов, разве не о ней я забочусь?

Я очутился на краю дорожки, потоптался немного, оставляя вмятины на снегу. Потом нагнулся, зачерпнул колючего снега и смял его в твердую ледышку. Бросок, в который я вложил все раздражение и злость, заставил снежок улететь куда-то в темноту парковых деревьев, за пределы светового круга, созданного последним фонарем.

В самом деле, ну почему я должен волноваться за нее? Пусть волнуются родители. У нее они есть, в отличие от некоторых. А если нужен друг, то я меньше всего подхожу для этой роли. Волки с овцами не дружат. Она решила, что все знает! Удивить хотела, дурёха. Что она может знать, если я и сам-то не до конца знаю? Наверное, думает, я супермен какой-нибудь, и весело мне от всего этого.

А знает она, как больно, когда творится эта чертовщина?

Что я, случается, не могу себя контролировать?

Знает про голод, нестерпимый, изнуряющий...

Что я могу высосать жизненные силы из человека? Опустошить его?! Убить!

Я пнул урну, и та со стоном перевернулась.

Она думает, что несчастна, одинока. А я бы с радостью поменялся с ней местами, просто чтобы стать нормальным. Чтоб как все стать!

Мне-то где искать ответы на вопросы? Кто-нибудь объяснял, что со мной происходит? Почему я такой? У неё, по крайней мере, есть кого спрашивать. Есть родители, учителя. Да она может просто пойти в библиотеку, взять учебник физиологии и разобраться, что у нее внутри, и как это работает. А мне никто не расскажет, как работает мой организм. Про таких, как я, ни в одной серьезной книге не написано.

В прошлом году всем детдомовским делали флюорографию. Врач сказал, что у меня отличные здоровые легкие. То есть ему мои легкие показались вполне нормальными, такими же, как у всех людей. И сердце есть. Во всяком случае, я слышу, как оно бьется. А еще я чувствую, какой оно формы, какого цвета, размера, плотности... И вот это точно не нормально! Ведь не может обычный человек чувствовать цвет своих глаз или форму носа... Он чувствует, есть глаза и нос, но формы и цвета не чувствует. Я это выяснял. А я, черт возьми, ощущаю каждый волос на теле! Покажите хоть одну

книгу, где об этом пишут!

Все, что я читал о существах, питающихся энергией, лишь нелепые страшилки и откровенный бред. Если кому-то хочется называть меня демоном, пожалуйста! Вот только в преисподнюю спустаться не доводилось, и с сатаной мы за ручку не здоровались. Копыт и хвоста нет. Младенцев по ночам я не ворую и юных дев во сне не растлеваю. Хотя, если какой-нибудь юной деве приспичит меня растлить, я, пожалуй, не откажусь. Быть хранителем кладов и сокровищ тоже было бы неплохо! Но нет, увы... Сплошные домыслы и суеверия.

А про энергию я вообще молчу! Никто из людей даже приблизительно не представляет, каким я вижу этот мир. То, что для меня абсолютно реально, к чему я могу прикоснуться, почувствовать запах, увидеть цвет, ощутить вкус – для людей просто не существует. Иногда кажется, что я сумасшедший, все придумал, а на самом деле никакой энергии нет. Вот только не придумал я... Иначе эта дура не заметила бы, как я меняюсь. Дотошная такая!

Она человек, вот и пусть ищет помощи у людей. Хватит с меня. Пора возвращаться в Никитский.

Я вышел из парка и быстрым шагом направился по уже знакомому проспекту. Навстречу попалась лишь пара прохожих. Ранний мороз всех разогнал по домам.

Пустынные улицы настораживали.

Вдруг что-то мелькнуло в зеркальной витрине. Я остановился и огляделся. Никого. Бродячие собаки, и те попрята-

лись. Я ругнулся и пошел дальше, ускорив шаг.

Улицы Зауральска уныло смотрели темными окнами домов. Антураж прямо для депрессивного клипа. Я уже начал представлять мрачного вокалиста в косухе, как краем глаза опять заметил какое-то движение.

Я остановился и пару минут разглядывал модельные туфли, зимние сапоги и резиновые шлепанцы, отражающиеся в зеркалах. Я изучил витрину вдоль и поперек, но так и не увидел ничего подозрительного.

Я собрался продолжить путь, как вдруг совершенно ясно увидел в одном из зеркал Надю. Секунду она презрительно смотрела на меня, а потом растворилась в воздухе.

Дико озираясь по сторонам, я ничего не мог понять – Нади нигде не было. Как она сумела так быстро убежать? Улица прямая – дома один за другим в ряд, тротуар и сразу проезжая часть – здесь негде спрятаться. Нет ни кустов, ни деревьев, ларьки – и те далеко. До ближайшей подворотни метров пятьдесят, не меньше. И потом, она не убегала, а просто растворилась...

В следующую секунду уже сам себе не верил. Должно быть, галлюцинации. До чего доводят глупые мысли о всяких девчонках! Стало не по себе и я побежал, не глядя больше по сторонам. Детский дом совсем близко. Вот оно – обледенелое крыльцо, а за ним светлый холл, и Юрий Михайлович поливает свою герань, беседуя о чем-то с поварихой Верочкой.

Глава 13

Нади не было в школе вторую неделю. Сначала никто не заметил, но потом учителя стали интересоваться, куда пропала тихая девочка, сидевшая за второй партой в среднем ряду. Ученики не знали, и тогда классный руководитель позвонила домой Ступаковым.

– Ребята, новость печальная, – объявили на уроке. – Надя Ступакова серьезно больна. Ее родители были немногословны. Мы знаем лишь, что в ближайшее время, а возможно, и в ближайшие несколько месяцев Надя в школе не появится. Девочка в коме.

Класс молчал.

– А можно ее навестить? – будто со стороны услышал я свой голос.

– Э... Я даже не знаю, будет ли в этом какой-то смысл... А впрочем... Почему бы и нет. Тимофей, подойди ко мне в учительскую. Я дам тебе номер телефона родителей Нади.

На перемене я долго топтался возле двери в учительскую. Может, ну его? Мало ли, вырвалось... Все и забыли уже. Но чувство вины опять больно кольнуло изнутри. Наконец, я решился, постучал и вошел в кабинет.

...

Сидя на потрепанном диване в гостиной Никитского, я крутил в руке клочок бумаги. Шесть цифр на обрывке листка

в клеточку не давали покоя. Звонить не хотелось, но ведь завтра в школе обязательно спросят. В конце концов, просто поинтересуюсь, как Надя себя чувствует, и положу трубку. Больше не откладывая, я встал и направился к вахте.

– Баб Кать, я позвоню?

– Кому это ты названивать собираешься? – недовольно осведомилась старая вахтерша.

– Одноклассница заболела.

– Знаем мы ваших одноклассниц... Звони, только недолго.

Набрать номер получилось лишь с третьей попытки. В трубке послышались долгие гудки. Сердце бешено колотилось.

– Да, слушаю.

Я молчал, позабыв все слова.

– Алло?! – в женском голосе слышалось раздражение.

– Э...это Тимофей. Я из школы... я друг Нади.

– Что за друг?

– Мы учимся в одном классе.

– Друг из класса? – недоверчиво спросил голос. – Ну и что же тебе, друг из класса?

– Я хотел спросить, как там Надя?

– Надя в больнице.

Я чувствовал, нужно спросить еще хоть о чем-нибудь.

– Я бы хотел ее навестить, если можно... – Нет, нет, нет!

Откажи, пожалуйста...

– Можно, – ответила женщина после короткой паузы, – но боюсь, развлечь ее своим визитом ты не сможешь.

– Да, я знаю. И все же, я бы хотел приехать. – Боже, что я несу?

– Тимофей, так, кажется, тебя зовут? Я вспоминаю теперь, Надя как-то говорила о тебе. Она навещала тебя, когда ты болел. Так?

– Да. Я тоже тогда не мог ни с кем разговаривать.

– Что ж, приходи завтра в первой половине дня.

Женщина дала адрес и повесила трубку. Я уставился на телефон, не веря, что сам решился на это.

И зачем ввязался?..

...

Утром в столовой попросил у поварихи яблоко. Не хотел идти к Наде с пустыми руками. Наверное, это глупо – нести яблоки лежащему в коме, но ничего другого придумать не смог.

Добирался на трамвае. Субботним утром в вагонах непривычно пусто. Давка и суетолака рабочих дней позади, и заиндевелые вагоны медленно тянутся по рельсам, надолго задумываясь на перекрестках, словно и у них выходной, и можно просто прогуляться по заснеженному городу, захватив с собой пару попутчиков от скуки. Снег валит так густо, что за окнами ни зги не видно. Наде наверняка понравилась бы такая погода.

– Областная Клиническая, на выход! – прокричала кондуктор.

Я спрыгнул с подножки. Впереди, за снежным маревом высилось здание больницы из белого кирпича. Я пересек парковку, потоптался на крыльце, сбивая налипший снег с обуви. Волновался, как перед контрольной, и каждое промедление только усиливало щемящую тоску в груди. Пора покончить с этим.

В больнице уныло пахло хлоркой. Старушка гардеробщица приняла вещи, выдала огромный потрепанный халат, и я, не найдя лифта, поднялся по широкой лестнице на третий этаж. Нашел восьмую палату. Через дверное окно увидел темноволосую женщину, притулившуюся на краю кровати. Она все поправляла что-то: то подушку, то одеяло. Вдруг меня тронули за плечо.

Сзади возник высокий широкоплечий мужчина с большим прямоугольным свертком в руках. Мужчина крепко сжимал сверток и каждый раз вздрагивал, когда тот норовил выскользнуть из рук.

– А ну-ка, помоги, – попросил здоровяк, указывая взглядом на дверь палаты.

Я открыл дверь. Мужчина втиснулся в проход, раскачиваясь и по-медвежьи переступая с ноги на ногу. Он был так напряжен, стараясь не уронить свою ношу, что я поспешил пропустить его вперед и шмыгнул в палату следом.

– Настя, – обратился он к женщине на кровати. Та оберну-

лась, утирая покрасневшие глаза рукавом свитера. Несмотря на растрепанный вид, она была очень миловидной, с тонкими и выразительными чертами лица.

– Вот, смотри, притащил! Не хотели пускать в отделение, представляешь? Сказал, что это в приемную главврача, – он прислонил сверток к стене и подпер для надежности стулом. Выдохнул с облегчением, вытер со лба пот.

Подойдя к кровати, он тихо спросил:

– Ну как вы?

– Без изменений, – отозвалась женщина бесцветным голосом.

– Совсем никаких реакций?

– Никаких.

– Настя, хочешь, я разверну его прямо сейчас? – мужчина присел на корточки и взял женщину за руку. – Можем поставить здесь, рядом с ней. Кто знает, может, вернется...

– Не сейчас, Стас. Позже. Кто это с тобой? – меня наконец заметили.

Неловко быть свидетелем чужих разговоров.

– Да вот, парнишка какой-то, – отозвался мужчина.

– Ты, наверное, Тимофей, – вспомнила женщина. – Друг из школы?

– Интересно, – мужчина поднялся и посмотрел на меня. – Значит, друг из школы?

– Э... да, Тим... ну, то есть друг. Здравствуйте.

Женщина подошла ко мне, и с вымученной улыбкой ска-

зала:

– Здравствуй, Тимофей. Очень мило, что ты решил навестить Надю. Хочешь подойти поближе?

– М... Можно, – сказал я неуверенно.

– Не бойся. Она просто спит, – женщина приобняла меня за плечи и подвела к кровати.

Надя совсем не выглядела больной. Она лежала с закрытыми глазами и могла показаться спящей, если бы не капельница рядом с кроватью. Прозрачная жидкость медленно сочилась из пластикового мешочка и стекала по длинной трубке к ее руке. Надина мама поймала мой взгляд.

– Это просто питание. Надя сейчас не может кушать сама.

– Кстати о еде, Настя. Думаю, тебе пора пойти пообедать. А я подежурю здесь с Тимофеем вместо тебя.

– Хорошо. Можно тебя на пару слов?

Они вышли в коридор, оставив меня наедине с Надей. Я почувствовал себя очень неудобно. Как же она провела у моей постели целую неделю? А я даже ехать не хотел. Сволочь!

Я вытащил из кармана яблоко и положил его на тумбочку у изголовья. В школе я избегал смотреть на Надю, теперь можно не таиться.

Сейчас, лёжа на больничной койке, она выглядит даже лучше, чем я ее помню. В классе всегда неловкая и угловатая, всегда напряженная, словно внутри у нее сжалась пружина. Теперь же лицо спокойное и расслабленное, черты мягкие и нежные. Волосы разметаны по подушке. Я помню

их неизменно собранными в жидкий неряшливый хвостик на затылке. На самом деле, совсем не жидкие, просто очень тонкие, как нити шелка. А губы розовые, слегка прозрачные. Верхняя губа чуть больше нижней. Я вспомнил, как она, обращаясь к кому-то, часто поджимала и покусывала губы, и ее лицо становилось по-детски забавным.

В коридоре слышались приглушенные рыдания, и я вдруг осознал, что сжимаю Надину руку. Я тут же отпустил ее. Она безвольно скользнула и улеглась на простынь.

– Боже! Я во всем виновата, только я! Но почему она унаследовала это проклятье!

– Не переживай о том, чего нельзя изменить. Сегодня поставим в палате зеркало, может, скоро вернется.

– Ну, как вернется, Стас?! Ты подумай, она даже не знает, что произошло! Надо было давно все рассказать. А я ждала момента, вот и дождалась...

– Ну, не надо, успокойся. Все будет хорошо, не надо. Мы вытащим ее оттуда. Я обещаю.

– Как ты можешь обещать?

– Я верю.

– Ах, он верит, посмотрите на него.

– Послушай, тебе надо поесть и успокоиться. Давай, иди уже. Мы должны верить. Она вернется.

Разговор прервался, и через пару секунд дверь в палату открылась, впуская Надиного папу.

– Ну что, Тимофей, заскучал? Да, я не представился. Мо-

жешь звать меня Стасом.

Он протянул мне свою большую руку.

Глава 14

С того первого визита я стал навещать Надю каждую субботу, а иногда и в будний день заезжал.

Сменял ненадолго ее печальных родителей, давая возможность немного развеяться или сходить на обед. Только они покидали палату, я садился возле кровати, брал Надю за руку и заводил свой долгий монолог, неизменно начиная школьными новостями и заканчивая просто мыслями вслух.

– В школе все, как заполошные, готовятся к Новому году, будто это невесть какое событие. Вчера ёлку поставили в актовом зале. Девчонки ходили наряжать, говорят, красивая. Как не отбрыкивался, и меня захороводили. Выдвинули на роль Волка в спектакле для первоклашек. Говорят, я фактурный... Ты слово такое слышала? Откопали ведь где-то. Я сначала отпирался, а потом подумал, почему бы и нет. Тем более, нас с трудов на репетиции отпускают. Как такую халяву пропускать? Мы там в основном ржем и подкальываем Веронику Степановну. А она корчит из себя Шекспира, не меньше. Написала две пьесы для новогодних постановок. Ходит серьезная, всеми командует, и так смешно сердится, мы всем классом угораем. Потом, правда, и сама смеется. Забавная она. Жаль, уроки у нас не ведет. Там, наверное, весело. Знаешь, а сегодня снег прямо стеной. На остановку вышел, больницы почти не видно. Только ближайший угол зда-

ния и часть парковки виднеется. В парке сугробы скоро по пояс будут. На днях хотел пройтись по той аллее, помнишь, там, где фонари в ряд. И не смог, представляешь? Дорожки не всегда расчищают. Сашка все по Вике сохнет. Каждый день о ней триндит. Вчера опять ее до дома провожал. Это он так называет. На самом деле, просто крадется за ней издали, подойти боится. А та типа не замечает. Вообще не понимаю, что в ней нашел. Сашка ведь интересный парень, глубокий, начитанный, и добрый, каких мало. Жаль его... А она симпатичная, конечно, даже очень. Но ведь пустышка совсем. Я видел ее как-то на улице с Митькой кудрявым. Идут, за ручки держатся, хихикают. Ммм... думаю, как это я пропустил. Пошел за ними, подкрался поближе, и ничего, полный ноль, представляешь? Вот зачем, спрашивается? Только аппетит разбудили. Пришлось болтаться по морозу три часа, пока не нашел другую парочку. Подостудил их. Они поругались и разбежались. Но, думаю, опять сойдутся. Я ведь так, немножко только, – я выпустил Надину руку и поправил ей подушку. – Не знаешь, зачем твой отец сюда это зеркало притащил? Здоровое такое. Врачи на него косо смотрят, просят убрать. Но твои даже слышать не хотят. Странные они у тебя. Да и ты тоже, если честно, – я улыбнулся спящей Наде. – Мне скоро уходить. По математике опять задали столько, что не сделать за раз. Вот дождусь твоих и пойду. Хочу только попросить разрешения для Юрия Михайловича навестить тебя. Он все о тебе спрашивает. В следующий раз

придется взять с собой. Иначе не отстанет.

Я крепко сжал Надину ладонь.

– Вот еще что... Ты, конечно, не услышишь, но... Я должен извиниться, что наговорил тогда... Я вел себя, как полный урод, но если бы ты знала... То поняла бы, у меня нет другого выхода. Ну, вот такой я. Поэтому... В общем, просто прости...

В коридоре послышались шаги, и скоро в палату вошли Надины родители. Я засобирался уходить.

– Торопишься? – спросила Настя.

– Да, уроки.

– Спасибо, что разговариваешь с ней. Это полезно. Может, она услышит и вернется... Иногда люди в коме слышат, о чем с ними говорят.

– Может быть, – осторожно отозвался я.

Я попрощался с родителями Нади и направился к выходу. Гардеробщица, тяжело передвигая отёчными ногами, подала куртку. Выудив из рукава шапку, я оделся и, кинув взгляд в зеркало напротив, шагнул к выходу. И резко остановился.

Дыхание перехватило, а по коже пробежал холодок. Я медленно выдохнул и так же медленно вернулся к зеркалу. Оттуда недоуменно таращился мальчишка в потрепанном пуховике.

Готов поклясться, мгновение назад в отражении на меня смотрели до боли знакомые глаза.

– Потерял что-то, внúчек? – заботливо осведомилась гар-

деробщица.

– Да не... – я развернулся и оглядел гардеробную. – Кажется, все на месте.

Я попятился к выходу, не отводя от зеркала глаз.

Как дурак, спиной вперед, покинул больницу.

Происшествие ужасно смутило. Неужели опять галлюцинации? В последнее время я часто ловил себя на мысли, что ощущаю чье-то присутствие рядом. Школьная столовая, актовый зал, или общий холл в Никитском, казалось, кто-то наблюдает за мной.

Шел к трамвайной остановке и все время оглядывался в поисках тайного преследователя.

Вечерело. Небо тускнело с каждой минутой. Снег продолжал падать, но уже не так густо, как днем. Под козырьком остановки ни души. Ждать не пришлось. Из-за поворота слышался звон рельсов, и скоро показался трамвай, весь окутанный мягким желтым светом. Он лениво полз к остановке, пошатываясь, словно навеселе. Зашуршали тормоза. Хрипло заскрежетали промерзшие двери, приглашая внутрь. Я запрыгнул на ступеньки, и трамвай, крикнув створками, зашаркал дальше по маршруту.

Я сел на сиденье за водителем. Несколько случайных попутчиков молча смотрели в окно.

Мой взгляд прошелся по приборной панели, задержался на лобовом стекле и уперся в круглое зеркало заднего вида. Там отражалась кривая реальность в мутных изгибах фигур.

Я стал лениво разглядывать пассажиров.

Миновали перекресток. Трамвай опять притормозил и выпустил новых пассажиров. В заднюю дверь вошел кто-то в белом и теперь продвигался вперед вагона. В следующую секунду я увидел девчонку, одетую совершенно по-летнему: белое платье в мелкий разноцветный горошек и домашние туфли. Она села позади меня.

Я остолбенел.

С губ сорвался немой вопрос: “Надя, что ты тут делаешь?!”

Я быстро оглянулся. Сзади никого. Закружилась голова.

Я опять уставился в зеркало.

На месте... Улыбается... Что за чертовщина!

Я оглянулся, кажется, раз десять подряд, но наваждение не пропадало.

Надя в отражении, молчит и улыбается.

Тряхнуло – трамвай остановился. Надя неторопливо встала и вышла из вагона в зимний город.

Я тут же вскочил, побежал на выход за ней и остановился. Надя существовала исключительно в зеркальном отражении... или в моем воображении?

Стало вдруг очень жарко, и я сорвал шапку. Шатаюсь на ватных ногах, побрел назад по проходу. Народ начал приглядываться ко мне, и я поспешил сесть.

Надо взять себя в руки. Но как же так! Я ее видел! Видел!

Что это значит? Я опять вижу то, чего не видят другие?

Может, это новая способность? И теперь я начну видеть повсюду души умерших людей? Но она не умерла, она в коме. Как она оказалась в зеркале? Я вижу ее повсюду...

Глава 15

В актовом зале пахло елкой и шоколадными конфетами. Третий по счету и последний утренник для малышей мы отыграли. Было весело, и я совсем забылся.

Спектакль ставили по сказке “Теремок”, но с небольшими изменениями. Вероника Степановна, наш художественный руководитель, добавила в сценарий забавные диалоги, так что мелюзга визжала от восторга. Мы дружно звали Деда Мороза и минут десять орали “Елочка, зажгись!”. Чуть глотки не сорвали. А все потому, что ответственный за свет трудовик последние несколько дней ходил на бровях. У него, видите ли, католическое Рождество. И не поспоришь, он у нас немец. В конец-концов свет зажгли, и началась канитель вокруг елки.

Сначала собирали мелюзгу по парам. То еще занятие. Пока одних строишь, другие разбегаются. Наконец, завели хоровод и полчаса нарезали круги вокруг елки. Теперь “В лесу родилась елочка” неделю будет сниться.

Потом по сценарию Волк и Медведь должны были затеять небольшую драку за подарки. Деня так вошел в роль, что со всей дури зарядил мне в нос. Ну, я тоже кое-что в актерском мастерстве понимаю...

Снегурочке все же удалось примирить увлекшихся Волка и Медведя, и мы получили по огромной бутафорской кон-

фете.

Всякий раз перед спектаклем Вероника Степановна непременно напоминала нам не забыть вернуть в костюмерную эти самые конфеты. А мы с Денисом шутили, что после последнего спектакля их обязательно съедем. Деда Мороза играл тот самый Семенов Сергей, о котором грезили почти все наши девочки. Уж я-то знал наверняка. Высокий и широкоплечий парень из выпускного класса, только он мог донести мешок с подарками, да и то не без нашей помощи. А на роль Снегурочки выбрали хрупкую и белокурую Леру с нашей параллели. Она просто вне конкуренции со своей длинной косой толщиной в руку.

Из-за нее-то в нос мне и прилетело. Деня, видимо, счел свой грушевидный нарост не столь изящным, вот и решил уравнивать ставки.

Гримеркой нам служила тесная каморка за актовым залом. Переодеваться приходилось по очереди, по два-три человека.

Девчонки убежали в гримерку первыми, а пацанов заставили подметать засыпанный конфетти пол в зале. Все хлявили и быстро смылись. А я не особо торопился. Было немного грустно, что всех этих ребят дома ждали родители, подарки, о которых давно мечтали, разнаряженная елка, куча новогодних салатов, или что они там едят на праздники.

У нас в Никитском в холле стояла искусственная елка, украшенная старыми поблекшими игрушками. Подарки

обычно дарили всем одинаковые. Что-нибудь для школы и набор шоколадных конфет-ассорти. В новогоднюю ночь наверняка будем сидеть у телевизора с парой унылых воспитателей. А унылыми они будут обязательно, так как их в этот всеобщий праздник оторвут от семьи или веселой компании и заставят дежурить с кучкой никому не нужных пацанов.

Поэтому я не торопился завершать свой настоящий новогодний праздник, который прямо сейчас подходил к концу. Я постоял еще немного в актовом зале, обошел елку, поправил на ней цветную гирлянду с надписью “Счастливого 1997 года!” и только после этого направился в гримерку. Там застал лишь Дениса. Остальных унес новогодний буран.

Мой напарник полностью одетый, с сумкой на плече тоже был готов слинять. Он отдал мне ключи, пробурчал пожелание веселого Нового года и убежал. Я остался один.

Окон в гримерке не было, кроме одного – для видеопроектора. Мы притащили сюда пару лавок, чтобы было где присесть и сложить вещи. На пыльной полке, рядом с забытым кем-то барахлом, стояла старая настольная лампа. На стене кусок зеркала.

Стащив верхнюю часть костюма, я включил лампу и начал стирать с лица грим остатками ваты и кремом, забытым кем-то из девочек. Ватный тампон давно превратился в серую жирную массу, а я все не решался заглянуть в зеркало.

В последнее время я избегал любых отражающих предметов. Но смывать грим вслепую совсем никуда не годилось.

Ну ладно. Неделя прошла тихо, никаких девчонок из по-
тустороннего мира. В конце концов, может я и привыкну к
этой новой сверхспособности. Или как это называть?..

Я наконец посмотрел на свое отражение. Грязные разво-
ды живописными пятнами покрывали лоб, щеки и даже уши.
Темные круги вокруг глаз напоминали маску Зорро. Я поиг-
рал бровями, сморщил нос и скосил левый глаз. Сдавайтесь,
негодяи!

Из хлама в углу вытащил сломанную указку, отвел в сто-
рону левую руку и сделал резкий выпад, тыча воображаемой
шпагой в своего противника в отражении. Рассекая воздух
указкой, я воскликнул:

– Защищайтесь, сударь! – отпрыгнул назад и вскочил на
лавку. – Ах, так! А что вы скажете на это? – я прыгнул вперед
и уколол типа из зеркала в плечо. – Ну, что же вы, трусили?
Ага!

– Сам ты трусил, – вдруг услышал я голос.

От неожиданности я выронил указку и попятился назад.
Как назло, под ноги попала лавка, и я с грохотом свалился
на пыльный пол. В спину что-то больно ужалило, а сверху
припечатало деревянной шваброй. Кто-то заливисто расхо-
хотался.

– Кто здесь? – выдавил я из себя.

– Я здесь.

– Кто, я?

– Ты идиот, а я Надя.

– Я тебя не вижу.

– Конечно, не видишь! А встать и посмотреть ума не хватает. Я же говорю – идиот.

Я медленно встал и заставил себя посмотреть в зеркало.

Она была там. Абсолютно реальная, все в том же белом платье в горошек.

– Что ты там делаешь?

– Ничего не делаю. Смотрю, как ты дурачишься.

– Ты на самом деле там, или это мне кажется?

– Нет, тебе не кажется, ты идиот, – Надя продолжала смеяться.

– Ладно, хватит обзывать, – я покраснел.

– Ну, а что ты стоишь, как замороженный, и трясёшься от страха?

– Посмотрел бы я на тебя в такой ситуации.

Я замолчал, разглядывая ее отражение.

– Как это возможно? – мой голос предательски дрогнул. – Это фокус какой-то?

– Я не знаю. Просто я здесь, и мне тут нравится. Не нужно каждый день ходить в школу и видеть всех вас – придурков. Я могу попасть куда угодно, ну, или почти куда угодно.

– Но ты в больнице! Я видел тебя всего пару дней назад. Ты в коме.

– Я уже давно здесь, и совсем я не в коме.

– Я был в больнице сто раз, и ты все время была там. Лежишь неподвижно на кровати, к тебе присоединен аппарат

искусственного питания. Я брал тебя за руку, но ты ничего не чувствуешь.

– Ты брал меня за руку?

– Ну, да!

– А зачем?

– Ну, просто... – я не знал, что ответить. – Ну, так наверно все делают, когда пытаются общаться с коматозниками.

– Я не коматозник!

– Ага, ты живее всех живых. Только вот я тебя что-то не вижу в этой комнате. Я вообще не понимаю, как это возможно. Может быть, я сам с собой разговариваю?

– Нет, со мной.

– С людьми в зеркалах только ненормальные разговаривают.

– Я уже давно заметила, что ты один из них.

Ого! Неплохо для приведения.

– А ты вообще как туда попала? – я подошел поближе к отражению.

– Не знаю. Просто захотела и ушла от вас всех. Вы меня допекли!

– Не понял. Как ушла? Куда ты ушла?

– Да я и сама толком не представляю... – голос девчонки наконец смягчился. – Просто само собой получилось. Я была дома. В тот вечер я очень расстроилась. В школе все было просто ужасно! Ну, ты и сам знаешь... – она посмотрела на меня, и я отвел взгляд.

– В общем, случилось так, что я очень долго смотрела в зеркало, – продолжала она. – У нас в родительской спальне есть большое зеркало, почти с мой рост. Я рассматривала свое отражение и мечтала... ну, это глупо, наверно... В общем, всегда хотелось, чтобы за зеркалом был параллельный мир, похожий на наш, но другой. Как бы это сказать... перевернутый. Чтобы он был добрее и чище. Чтобы там все было лучше, чем здесь. Так хотелось попасть туда, в зазеркалье, убежать от всех! Тогда я представила, как делаю шаг и оказываюсь там. А потом шагнула и... оказалась! – Надя вся светилась. – Он существует! Представляешь, как здорово! Здесь все совсем по-другому.

Я помолчал, разглядывая ее радостное лицо.

– Ты говоришь, там все по-другому. А как по-другому?

Вдруг заскрипела дверь, и в каморку ввалилась недовольная Вероника Степановна.

– Я уже целый час жду, когда ключи вернут! А ты еще даже грим не смыл!

– Я сейчас. Уже скоро.

– Даю тебе десять минут. Жду в коридоре, – строго сказала она и захлопнула дверь.

Я посмотрел в зеркало – кроме меня там теперь никого не было.

Глава 16

Новогодняя ночь прошла так, как я и ожидал. На моей памяти их было достаточно, чтобы перестать верить в волшебство. Общий ужин в столовой, где по случаю праздника была селедка под шубой и картошка с курицей. А потом, как водится, “Голубой огонек”.

Я забрался с ногами в потертое кресло и в мерцающем свете телевизора стал размышлять, крутя в руках круглое карманное зеркало. То и дело вглядывался в него, ища несоответствия в отражении. С того случая в камерке я много думал о Наде. Все пытался найти рациональное объяснение происходящего. Ведь возможно же с научной точки зрения существование параллельных миров? Как в Хрониках Амбера, например. Есть мир основной, а есть его отражения, и вот Надя попала в одно из таких.

Интересно.

А если она какой-нибудь предмет в той вселенной уронит, в этой он тоже на пол грохнется? Интересно, а в ее зазеркальном мире есть только то, что отражается, или что-то, чего в нашем мире нет? А в ее параллельной вселенной живут отражения окружающих нас людей? Может, с той стороны все тот же серый Зауральск? Только там он совсем не серый, а очень даже солнечный, чистый и многоцветный. Может, она там и в школу ходит, только учится на отлично, и друзей

полно... Вдруг, с той стороны, Вика ее лучшая подруга?

А как, интересно, выглядит президент Зазеркалья? А, может, Надя и есть президент?

Я хохотнул, представив ее в деловом костюме. "Этот год прошел тяжело в нашей Зазеркалии, – говорит Надя-президент своим зазеркальным гражданам, – но следующий будет лучше. Вырастет урожай зазеркальной кукурузы..."

Я громко рассмеялся.

– Т-ссс! – шикнул кто-то.

Черт, но почему Надя из отражения так непохожа на себя здешнюю? Выглядит самоуверенной и дерзкой, а в школе тихоня. Хотя, застенчивой я бы ее не назвал. В ней есть что-то... дикое, что ли. Неужели она и вправду нарисовала тех девчонок мертвыми? Мутная история.

Полночи терзался мыслями, и сам не заметил, как заснул прямо в кресле.

Возвращение в реальность далось нелегко. Спину ломило, и ноги затекли так, что я их не чувствовал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.